

Христіанство и политика *)

3. Христіанская политика, какъ политика христіанъ.

Размышленія надъ проблемами первороднаго грѣха и сущности подитической жизни привели насъ къ убѣжденію, что христіанской политики въ прямомъ и первичномъ смыслѣ этого слова быть не можетъ. Даже самыя элементарныя, по своему происхожденію еще ветхозавѣтныя заповѣди христіанства не могутъ быть такъ положены въ основу политической жизни, чтобы лежащій во злѣ міръ не сталъ отъ этого еще злѣе. Стрѣляющаго въ меня личнаго врага я имѣю полную возможность не только не убить, но даже и не передать въ руки правосудія, но покушающагося на моихъ глазахъ на убійство невиннаго человѣка я обязанъ передать государственной власти, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, беря на свою душу тяжкій грѣхъ, даже и убить. Характернѣйшимъ примѣромъ такого внутренне осложненнаго положенія вещей является война. О томъ, что убійство на войнѣ остается запрещеннымъ заповѣдью убійствомъ и тѣмъ самымъ грѣхомъ, не можетъ быть двухъ мнѣній. Христіанство глубоко миролюбиво и опредѣленно антинационалистично. Тѣмъ не менѣе христіанское миролюбіе какъ по своимъ духовнымъ истокамъ, такъ и по своимъ волевымъ устремленіемъ очень далеко отъ выросшаго (не безъ вліянія сектанства) на демократически-соціалистической почвѣ пассивизма. Разница въ томъ, что мироощущеніе пассивизма оптимистично, а мироощущеніе христіанства — трагично. Пассивизмъ, въ частности и пассивизмъ Толстого, вѣрять въ то, что отказомъ отъ войны можетъ быть выкорчевано порождающее ее зло. Христіанству же ясно, что пока корни міра питаются зломъ, міръ не можетъ не болѣть войной, отъ которой никому и нигдѣ уйти нельзя, не подмѣняя хотя-бы и безсознательно вопроса спасенія міра отъ зла вопросомъ изыятія себя изъ міра. Въ знаменитомъ спорѣ о войнѣ между Толстымъ и

---

*) См. «Совр. Записки» Книга 53

Владиміромъ Соловьевымъ на сторонѣ Толстого была безспорно большая острота и чуткость политической совѣсти, но на сторонѣ Соловьева вся полнота религіозно-философской и богословской правды. Убѣдительною для христіанскаго сознанія Толстой могъ бы сдѣлать свою пасифистскую проповѣдь лишь принявъ за исходъ подлинно-христіанскія позиціи Соловьева. Съ этихъ позицій какъ разъ ему, Толстому, при его (чуждомъ Соловьеву) инстинктивномъ и праведномъ отталкиваніи отъ христіанской государственности, поддерживаемой христіолюбивымъ воинствомъ, открылось бы, что современные европейцы не имѣютъ права на войну не только потому, что они христіане, но, главнымъ образомъ, потому, что они не христіане. И дѣйствительно, — становясь лишь на христіанской почвѣ зломъ, война на ней же, и только на ней, становится смысломъ, т. е. — грѣхомъ челоуѣчества. На почвѣ атеистической цивилизаціи она теряетъ этотъ свой глубокой религіозный смыслъ и всякую трагическую глубину; перестаетъ быть челоуѣческой войной и становится нечелоуѣческой бойней. Это значитъ, что нравственный пафосъ христіанства долженъ заключаться не въ безоговорочномъ отрицаніи войны, а въ требованіи, чтобы ея зло изживалось бы какъ грѣхъ, т. е. какъ трагическій смыслъ политической жизни. На почвѣ секуляризованнаго, атеистически-посюсторонняго сознанія такое осиливаніе войны невозможно, отчего для него въ теоріи и становится обязательнымъ тотъ безусловный, а тѣмъ самымъ и утопическій пасифизмъ, который на практикѣ оборачивается безконечными и безсмысленными, ничего по существу не разрѣшающими войнами.

Война только примѣръ. Все сказанное о ней распространяемо на всю сферу политической жизни. Передъ тѣмъ какъ пойти дальше по пути выясненія сущности христіанской политики, необходимо выяснитъ слѣдующее: за христіанскую политику часто выдаются внутреннія установки и образы дѣйствія съ христіанскою политикою связанные, но этого названія въ его точномъ смыслѣ все-же не заслуживающіе. Такъ, съ одной стороны, напримѣръ, недостигающая политической жизни вольная проповѣдь христіанства, а съ другой— его государственно-принудительное, т. е. языческое насажденіе. Въ отличіе отъ бездѣйственной (въ политическомъ смыслѣ) проповѣди и нехристіанскаго (по своимъ методамъ) политическаго насажденія вѣроисповѣдныхъ положеній и идей, подлинно христіанская политика зиждется и движется вообще не насажденіемъ и защитою христіанскаго вѣроученія (это дѣло не политики, а церкви и вольнаго пророческаго служенія), а живымъ сознаніемъ

емь грѣховности всей человѣческой жизни, всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и объединенности всѣхъ людей круговою порукою грѣха. Только при такомъ положеніи въ основу христіанской политики не нормъ христіанской этики, а живого ощущенія грѣховности всѣхъ земныхъ дѣлъ, возможно, не впадая въ утопическій максимализмъ, серьезно защищать христіанство, какъ реальную основу и движущую силу политической жизни.

Ничего парадоксальнаго въ этомъ положеніи нѣтъ. Последнее зло всякаго зла не въ томъ, что оно существуетъ, а въ томъ, что оно какъ зло отрицается. Самый фактъ наличія зла въ мірѣ настолько тѣсно связанъ съ наличіемъ въ мірѣ добра, съ борьбою добра со зломъ, а тѣмъ самымъ и со всѣмъ религіознымъ смысломъ жизни, что простое погашеніе зла мыслимо развѣ только какъ завершеніе жизни земного человѣчества, но не какъ ея приобщеніе къ добру*). Къ добру зло приобщается не своимъ уничтоженіемъ, а постиженіемъ и переживаніемъ его какъ нашей свободы и нашего грѣха. Правильное положеніе Карла Шмитта, что сфера политики не только лежитъ во злѣ, какъ вся человѣческая жизнь, но зломъ, т. е. враждою и войною только и держится, не только не погашаетъ потому идеи христіанской политики, но, наоборотъ, дѣлаетъ ее самоочевидною, ибо гдѣ-же и селиться христіанству, какъ не на территоріи зла, ибо что-же ему и дѣлать, какъ не превращать зло, не в добро, — это Божье дѣло, — но въ грѣхъ.

Вдумаемся въ положеніе вещей: Пилатовское омовеніе рукъ для христіанской совѣсти недопустимо. Никакой стороны, куда можно было бы отойти «подальше отъ грѣха», для христіанина также нѣтъ и быть не можетъ. Ни на какое преступленіе, совершающееся въ самомъ далекомъ углу жизни, «закрѣпить глаза» также невозможно, ибо видѣнное закрытіе глазъ только усиливаетъ и обостряетъ внутреннее зрѣніе христіанской души. Что-же дѣлать? Не ясно-ли, что если уже зло неизбежно въ человѣческой жизни, то христіанину нужно не бѣжать тѣхъ мѣстъ и положеній, въ которыхъ оно свершается, а наоборотъ, стремиться къ нимъ. Конечно, не за тѣмъ, чтобы принять участіе въ свершеніи зла, а затѣмъ, чтобы взять неизбежное зло на свою христіанскую совѣсть, ощутить его какъ грѣхъ и какъ грѣхъ поставить его перель совѣстью всего міра. Нельзя забывать, что для религіозной жизни человѣчества важно не только то, что въ ней творится, но также и то, кѣмъ и какъ. Неизбежное зло политической сферы мукою о немъ,

*) См. книгу Н. А. Герляева «О назначеніи человѣка».

скорбью, въ которой оно совершается и раскаяніемъ религиозно какъ бы нейтрализуется, разсудочнымъ-же утвержденіемъ и оправданіемъ возводится въ степень безконечности. Всѣ нормы христіанской политики сводятся такимъ образомъ къ заботѣ о томъ, чтобы по возможности все зло, которое дѣйствительно неизбѣжно въ политической сферѣ, творилось-бы христіанскими руками и бралось бы христіанами на свою отвѣтственность и совѣсть, т. е. превращалось бы изъ безчеловѣчнаго зла въ человѣческой грѣхъ.

Я знаю, положеніе это звучитъ весьма парадоксально и можетъ быть при желаніи истолковано какъ ханжеской призывъ къ тому, чтобы грѣша и каюсь, каюсь и грѣша, спокойно творить подъ видомъ христіанской политики рѣшительно все го же самое, что споконъ вѣковъ всюду творилось и творится помимо нея. Защититься отъ такого искаженія моей мысли мнѣ очень трудно, почти невозможно. Тутъ дѣло во внутреннемъ религиозно-нравственномъ слухѣ. Постараюсь пояснить свою мысль еше однимъ примѣромъ. Смертная казнь для христіанской совѣсти — безспорно самое ужасное и самое отвратительное, что человѣкъ можетъ свершить надъ человѣкомъ. И все же наиболѣе рѣзкая грань, отдѣляющая христіанскую политику отъ нехристіанской заключается не въ томъ, допускается ли она, или нѣтъ, а въ томъ, какъ она ощущается и переживается властью и обществомъ. Государство, въ которомъ произнесене смертнаго приговора давалось-бы власти только послѣ страшной нравственной борьбы, въ мучительномъ сознаніи своего нравственного соучастія въ томъ грѣхѣ, за который она казнить, — въ которомъ слова «приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія черезъ повѣшаніе» вымывали бы въ каждомъ гражданинѣ при каждомъ глотательномъ движеніи физическую боль, лишая его хотя бы на самое короткое время ощущенія чистоты своей совѣсти, сна и смѣха. было-бы государствомъ грѣшнымъ, но все же христіанскимъ. Полный разрывъ съ христіанской политикой заключается не столько въ томъ, что государство убиваетъ беззащитнаго человѣка, сколько въ полной неспособности властей и населенія почувствовать великій грѣхъ этого убійства. Повторяю — ужасъ современной политической жизни съ христіанской точки зрѣнія заключается не въ томъ, что она пропитана зломъ, а въ томъ, что никто, вплоть до служителей церкви, не ощущаетъ этого зла, какъ грѣха. Большевики въ этомъ отношеніи только количественное, но не

качественное отличіе. Еще недавно довелось мнѣ читать размышленіе, одного серьезнаго и даже глубокаго протестантскаго мыслителя, очень далекаго отъ ереси. «нѣмецкаго христіанства», что пониманіе между христіанами нѣмцами и христіанами другихъ національностей затруднено тѣмъ, что все происходящее сейчасъ въ Германіи всѣми нѣмцами безъ исключенія переживается какъ «нѣмецкая судьба», стоящими же внѣ этого процесса христіанскими мыслителями «какъ вина нѣмецкаго народа». Очень характерное, глубоко показательное и для судьбы христіанской политики весьма пагубное положеніе. Пагубное потому, что народная судьба, мыслимая въ отрывѣ отъ народной свободы и главное народной отвѣтственности за нее — для христіанскаго сознанія совершенно неприемлема. Такая судьба — не судьба, а дохристіанскій античный фатумъ, по своей слѣпой жестокости и абсолютной внѣчеловѣчности въ послѣднемъ счетѣ гораздо болѣе близкій экономическому детерминизму большевицкаго марксизма, чѣмъ христіанскому провидѣнію. Введеніемъ въ политику такого понятія народной судьбы христіанская жизнь разслагается на двѣ сферы: личную и общественную, христіанскую и внѣхристіанскую, чѣмъ въ корнѣ подрывается требованіе христіанской политики. При этомъ интересно и заслуживаетъ особаго вниманія то положеніе, что, согласно мнѣнію автора, нѣмецкая судьба скрыта отъ чужихъ глазъ и видна лишь нѣмцамъ. Мысль эта въ извѣстномъ смыслѣ вѣрна. Все происходящее сейчасъ съ Германіей и въ Германіи въ своей глубокой необходимости и неизбѣжности нѣмцамъ конечно понятнѣе, чѣмъ французамъ и англичанамъ, какъ и намъ, русскимъ, понятнѣе чѣмъ всѣмъ иностранцамъ неизбѣжность и необходимость всего происходящаго сейчасъ въ Россіи и съ Россіей. Невѣрна въ размышленіи протестантскаго богослова лишь мысль, будто народъ въ отвѣтъ лишь за случайное, что съ нимъ случается, а не за неизбежное. Какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и народъ, такъ и всякое иное коллективное и соборное существо отвѣчаетъ прежде и глубже всего за то, что съ роковою неизбѣжностью происходитъ изъ его глубочайшей сущности. Понятіе неизбѣжности и отвѣтственности для христіанскаго сознанія и, главное, для христіанской совѣсти не исключаютъ другъ друга. Скорѣе наоборотъ, случайно со мной или съ моимъ народомъ случившееся, для меня и моего народа не характерное, могшее и не случиться, я себѣ и своему народу могу простить. Но роковое, неизбѣжное, неотвратимое, т. е. субстанціонально во мнѣ

существующее — непростительно. Оттого-то вся Россія и каждый русскій человѣкъ и отвѣчают за большевиковъ, что Россія стала такой, что большевизмъ сталъ въ ней неизбѣженъ. Непониманіе этой связи между неотвратимою необходимостью и полною отвѣтственностью ведетъ къ рѣшительному непониманію идеи христіанской судьбы народа, къ подмѣнѣ ея языческимъ фатумомъ, а тѣмъ самымъ къ уничтоженію религиозно-метафизической основы христіанской политики, которая невозможна внѣ неустаннаго претворенія неизбѣжнаго въ политикѣ зла въ запретный для политики грѣхъ.

Выдвинутое мною понятіе христіанской политики по своей структурѣ и по своему содержанію весьма отличается отъ того, что обыкновенно понимается подъ этимъ терминомъ. Думаю, что эту существеннѣйшую разницу и выражу наиболѣе кратко и точно, если въ заключеніе скажу, что очередная политическая задача заключается не въ томъ, чтобы стремиться къ христіанской политикѣ, въ смыслѣ осуществленія въ ней нормъ христіанской этики, что на практикѣ приводитъ или къ безотвѣтственности Толстовскаго утопизма или къ раздѣленію христіанства и политики, а въ томъ, чтобы требовать и отъ себя и отъ другихъ христіанскаго отношенія къ непросвѣтленной еще свѣтомъ христіанской истины политической сферѣ. То, что сейчасъ необходимо, это не «программа максимумъ» христіанской политики, а «программа минимумъ» честной и серьезной, вдумчивой и отвѣтственной, при встрѣчѣ со зломъ твердой, но при примѣненіи твердыхъ мѣръ нравственно затрудненной и скорбной политики христіанъ.

4. Основныя предпосылки осуществленія христіанской политики, какъ политики христіанъ.

Въ первой главѣ этой работы и на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ пытался выдвинуть идею социальнаго христіанства, — точнѣе и шире — идею христіанства, какъ религиозной совѣсти общественно-политической жизни, какъ идею особо близкую православною Россіи. Ясно — и я отмѣчаю, — что нѣкоторыя византійско-аскетическія и цезаре-папистскія черты историческаго православія противорѣчатъ этому положенію, но зато другія, на мой взглядъ религиозно болѣе существенныя, для Россіи болѣе характерныя и, главное, болѣе жизнеспособныя, всецѣло поддерживаютъ его. Моя основная и отнюдь не слишкомъ оригинальная мысль сводилась къ тому, что

русской-православной почвѣ одинаково чужды какъ католической соблазнъ превращенія церкви въ государство, такъ и протестантскій — освобожденія христіанской совѣсти отъ всякой отвѣтственности за грѣхъ государственной власти. Что такое толкованіе православной тенденціи не является произвольною выдумкою, доказываетъ самый бѣлый взглядъ на исторію Россіи и русской церкви. Католическая тенденція отогосударствленія церкви не могла привиться на русской почвѣ потому, что она явно связана съ неунаслѣдованной Россіей идеей римски-государственного универсализма; противоположная же тенденція изытія христіанства изъ политической сферы — на томъ иномъ, но аналогичномъ основаніи, что она своими корнями уходитъ въ ту порожденную протестантизмомъ гуманистически-индивидуалистическую культуру, которая, захвативъ верхи русской интеллигенціи, осталась глубоко чуждой основному массиву народной и церковной Россіи.

Но если такъ, то не понятна-ли, что на русской исторической почвѣ, въ глубинѣ православнаго сознанія уже давно начала намѣчаться подлежащая дальнѣйшему развитію двуденная задача безвластнаго властвованія надъ государственной властью и внутренняго вовлеченія каждой отдѣльной личности въ общественную и политическую жизнь, т. е. задача такой постановки церкви въ центрѣ государственной жизни и народнаго творчества, при которой ее голосъ и государству и обществу и отдѣльной личности одинаково внятно звучалъ бы какъ предохраняющій и направляющій голосъ вселенско-христіанской совѣсти.

Я не могу возвращаться къ уже сказанному, не могу и подробнѣе развивать свою мысль. Отмѣчу лишь то, что, если подойти къ вопросу о христіанской политикѣ и о церкви какъ совѣсти государственной жизни не съ богословски-вѣроисповѣдальной, и не съ церковно-исторической, а съ культурно-философской и соціологической стороны, то соціально-политическая направленность русской религіозной мысли становится еще очевиднѣе. Съ первыхъ десятилѣтій 19-го столѣтія русская мысль отчетливо опредѣляется, какъ мысль культурно-историческая и соціально-политическая. Исповѣдуемая какъ первыми западниками, такъ и славянофилами община связуется въ русскомъ сознаніи православною соборностью и соціалистическій коллективизмъ. Достоевскій приходитъ къ православію черезъ социализмъ и ссылку. Толстой къ своему анархо-соціализму — черезъ православіе и Евангеліе. Соловьевъ десять

лѣтъ своей недолгой творческой жизни отдаетъ публицистической борьбѣ, все время откладывая разработку богословскихъ и метафизическихъ задачъ ради «оправданія добра» въ общественно-политической жизни. Федоровъ пишетъ «Общее дѣло». Наибольше значительные богословскіе и религіозно-философскіе мыслители нашихъ дней — о. С. Булгаковъ, Бердяевъ, Франкъ, пришли къ своимъ православнымъ позиціямъ кружнымъ (марксистскимъ) путемъ и въ извѣстномъ смыслѣ остались вѣрны завѣтамъ своей юности, не погасили въ себѣ неустанной заботы о праведномъ социальномъ устроении чело-вѣчества.

Съ этою христіански-соціальною линіей русскаго сознанія пересѣкается другая, революціонно-атеистическая, на первый взглядъ ей только враждебно-противоположная, но при ближайшемъ разсмотрѣніи, какъ на то было уже не разъ указано, тѣсно и внутренне съ нею связанная. Среди историковъ русской общественности въ настоящее время врядъ ли еще возможны споры о томъ, что интенсивность, непрерывность и демоничность русскаго революціоннаго движенія ничѣмъ не объяснимы кромѣ какъ его подсознательной, хотя и извращенной религіозностью.

Нѣтъ словъ, въ исторіи русской религіозной мысли встрѣчаются люди очень далекіе, а отчасти даже и враждебные идеѣ социальнаго христіанства. Въ качествѣ примѣра достаточно назвать Константина Леонтьева. Но я не думаю, чтобы этотъ блестящій баринъ и утонченнѣйшій эстетъ, котораго Франкъ вѣрно назвалъ русскимъ Ницше и о которомъ Бердяевъ, при всей своей любви къ нему, жестоко обмолвился предательскимъ словомъ, что онъ былъ убѣжденнымъ православнымъ, но врядъ ли настоящимъ христіаниномъ, былъ-бы особенно типиченъ для Россіи. Основныя черты леонтьевскаго образа быть можетъ легче укладываются въ рамки римско-католической, чѣмъ русско-православной культуры. Впрочемъ, все это не играетъ рѣшающей роли. Не надо, на модный ладъ, превеличивать значенія культурныхъ стилей. Если бы мое положеніе, что русская религіозно-историческая почва наиболее благоприятна для развитія социальнаго христіанства было-бы и невѣрно — Россіи все равно не оставалось бы ничего иного, какъ идти по пути его осуществленія. Вступленіе на этотъ путь требуется отъ Россіи не во имя вѣрности стилистическимъ особенностямъ православной духовности, а ради спасенія міра вселенскаго правдою христіанства.

Нѣтъ ничего легче, какъ скомпрометировать идею политики христіанъ преждевременнымъ выдвиганіемъ детально разработанной и отчетливо сформулированной программы христіанской политики. На слишкомъ конкретные и загаенно враждебные вопросы скептиковъ: — а какъ вы разрѣшите вопросы суда и насилія, обязательнаго преподаванія закона Божія невѣрующимъ дѣтямъ, взысканія церковнаго налога съ невѣрующихъ для поддержанія церквей, главное-же вопросъ, какъ разрѣшите вопросъ свободной проповѣди атеизма, матеріализма и всякаго иного богоборчества—правильнѣе всего не давать никакихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Христіанство не отвлеченно-философское міросозерцаніе, а потому формою осуществленія христіанской политики не можетъ быть конкретизирующая положенія этого міросозерцанія и проводимая членами клерикальной партіи заранѣе заготовленная программа. Христіанство — живая вѣра, связывающая каждого человѣка съ Богомъ, ближнимъ и ближними не отвлеченно, но конкретно, т. е. во всегда иной, неповторимой, единственной, жизненной ситуациі, которая, какъ въ сферѣ частной, такъ и въ сферѣ общественно-политической жизни разрѣшила исключительно только на почвѣ ея интуитивнаго, духовно-творческаго удумыванья, не въ порядкѣ заранѣе нормированнаго примѣненія отвлеченно-возвышенныхъ христіанскихъ принциповъ ко всѣмъ положеніямъ жизни. Усиленно требуемые влагами христіанской политики «конкретные отвѣты» и «детальныя программы» для христіанской политики не возможны не потому, что политика эта не въ силахъ выйти за предѣлы общихъ мѣстъ и пожеланій, а потому, что конкретные отвѣты принципиально не обобщаемы, т. е. не высказываемы въ формѣ общихъ впрокъ заготовленныхъ положеній. Говоря не адекватнымъ проблемѣ, политическимъ языкомъ, можно сказать, что для христіанской политики, въ виду ея абсолютной конкретности, существенна и важна лишь проблема тактики, но безпредметна проблема программы. Въ этомъ безразличіи и даже во враждебности къ программности кроется главная цѣлительная сила христіанской политики, ея полная несовмѣстимость съ тѣмъ духомъ доктринаризма и утопізма, который губитъ современную общественно-политическую жизнь. Христіанская политика есть, такимъ образомъ, по существу и неизбѣжно политика прагматическая, гораздо болѣе близкая къ тому, что принято называть «реальной политикой», чѣмъ ко всякому идейно-принципальному политиканству. Все ея отличіе отъ такъ называемой реальной политики заключается лишь въ томъ (это лишь, правда, огром-

но), что она исходитъ изъ подлинной реальности религіознаго опыта и стремится къ подлинно-реальному, т. е. религіозному устройенію жизни, легко разгадывая призрачность всякой укорененной лишь въ здѣшнемъ мірѣ псевдореальности.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ нѣкое глубочайшее «непредрѣшенство» всякой христіанской политики, которая такъ же мало можетъ быть разѣ навсегда монархической какъ республиканской, капиталистической какъ социалистической, пасифической какъ воинствующей. Всѣ эти важнѣйшіе вопросы суть для нея вопросы не первозданнаго, а производнаго характера, которые она всегда будетъ рѣшать не отвлеченно, а конкретно, т. е. не въ порядкѣ безпредметной спекуляціи: — какой изъ перечисленныхъ принциповъ, какъ таковой, ближе христіанству, а въ порядкѣ конкретнаго испытанія вопроса, въ какой формѣ данный народъ въ данную эпоху своего развитія можетъ свою жизнь съ наибольшою вѣроятностью приблизить къ реальности христіанскаго бытія. Защищать монархію, идею по существу религіозную, въ условіяхъ, при которыхъ монархъ не можетъ не чувствовать себя авантюристомъ, а его подданные не могутъ не ощущать его самозванства, такъ же недопустимо, какъ защищать «священную собственность» въ условіяхъ либерально-капиталистической культуры, давно спустившей съ молотка идеи святости и личности, или идею стопроцентнаго социализма въ отрывѣ отъ начала духовнаго коллективизма, въ предѣлѣ — отъ начала соборности.

Къ чему, къ какому государственному, социальному и хозяйственному устройству должны быть сейчасъ устремлены воля и сознание православной Россіи, сказать, съ точки зрѣнія христіанства, нельзя. И нельзя прежде всего потому, что христіанство не «точка зрѣнія», а христіанская политика не идеология и не идеократія. Христіанская политика предполагаетъ, какъ уже было сказано, не «законченное христіанское міросозерцаніе», не «выработанную христіанскую программу» и не «организованную христіанскую партію», а наличіе въ политически вѣдущихъ и ведомыхъ людяхъ живой христіанской вѣры и воли, христіанскаго глаза и глазомѣра, христіанскаго слуха и проникновенія. Она требуетъ дара различія духовъ, дара прозорливаго постиженія смысла всякой исторической ситуаціи, дара христіанской твердости и христіанской гибкости, дара испытанія себя и другихъ свѣтомъ истины и, главное, — чувства ответственности за все происходящее въ

миръ. Нѣтъ ничего страшнѣе и безнадежнѣе христіанской политики, творимой языческими руками во славу христіанскихъ нормъ, законовъ и программъ, но нѣтъ и ничего проще и самоочевиднѣе руководимой христіанской совѣстью безпрограммной, но живой и конкретной политики христіанъ. Конечно, осуществленіе такой политики немислимо никакими государственно-педагогическими и агитационно-политическими средствами; осуществленіе ея возможно исключительно только какъ полтинно-религіозное, а тѣмъ самымъ и какъ внутренне-религіозное дѣло. Церковь не можетъ и не должна управлять государствомъ. Она должна быть радикально отдѣлена отъ него. Но она можетъ и должна воспитывать христіанъ, встревоженныхъ соціальною проблемою и жаждущихъ преображенія государственной и общественной жизни человѣчества. Никакая христіанская политика невозможна, пока въ глубинѣ церковнаго сознанія не возникнетъ лозунгъ: христіане — на политической фронтъ.

Противъ такого пониманія задачъ христіанскаго воспитанія возможны, конечно, очень серьезныя возраженія. Идея аполитичнаго, радикально-внегосударственнаго и даже внеобщественнаго, стоящаго какъ бы спиной къ всему мірскому, аскетически-церковнаго христіанства имѣетъ очень глубокіе, притомъ не только историческіе, но и религіозно-мистическіе корни и располагаетъ очень сильными аргументами. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ въ личной жизни человѣка, такъ и въ исторической жизни человѣчества счастливыя и благополучныя эпохи являются эпохами скорѣе удаляющими душу отъ Бога, чѣмъ приближающими ее къ Нему. Исторія христіанства неотдѣлима отъ исторіи человѣческаго страданія. Не даромъ послѣднимъ з е м н ы мъ словомъ христіанства является смерть, безъ внутренняго узрѣнія которой не только какъ конца жизни, но и какъ грѣшной сердцевины ея, не уяснимо и первое и е с е н о е слово христіанства — вѣсть о Воскресеніи Христовомъ. Но если такъ, то не грозитъ ли христіанству какъ разъ со стороны устройства земной жизни весьма серьезная опасность? И прежде всего опасность притупленія того чувства, что міръ на всѣхъ земныхъ времена лежитъ во злѣ, что Царствіе Божіе — царствіе не отъ міра сего и что никакими заботами о будущемъ вѣчности на землѣ не осуществишь. Сильное развитіе соціально-политическихъ тенденцій въ нѣкоторыхъ теченіяхъ современнаго протестантизма, какъ напримѣръ, въ религіозномъ социализмѣ, убѣдительно подтверждаетъ реальность такихъ опасеній. Религіозный социализмъ является безусловно живымъ

примѣромъ того, что обостреніе соціальной совѣсти христіанства приводитъ къ смелѣнію его релігіозныхъ глубинъ. И дѣйствительно, зачѣмъ ужъ очень стараться объ улучшеніи государственной-общественной жизни, если долгъ христіанина передъ Богомъ и ближними можетъ быть полностью исполненъ вѣдъ всякой зависимости отъ господствующихъ въ странѣ государственныхъ и социально-экономическихъ формъ и принциповъ. Но и помимо такихъ соображеній, чисто по чувству, не ощущается ли христіанскій міръ и прежде всего православный храмъ какъ нѣчто вѣвременное и всякому историческому пространству запредѣльное. Не переступаемъ-ли мы его порога каждый разъ съ чувствомъ отрясенія праха міра отъ ногъ своихъ. Не полонъ-ли магометанскій обычай оставлять туфли у порога храма и для христіанъ глубокаго и символическаго значенія. Не этимъ-ли чувствамъ, что храмъ есть единственное мѣсто, гдѣ время не течетъ низомъ по руслу жизни, а куполомъ вѣчности (и времени больше не будетъ) высоко стынетъ надъ ея неподвижностью, объясняется тотъ несомнѣнный фактъ, что даже и наиболѣе современнымъ и передовымъ лодьямъ, поскольку въ нихъ живо ощущеніе духа и стіля церкви, претитъ слишкомъ быстрое введеніе въ церковную архитектуру, церковную музыку и во весь бытовой обиходъ церкви новыхъ, по настоящему еще не обжитыхъ формъ. По сравненію съ быстрымъ развитіемъ свѣтской живописи иконостасъ кажется споконъ вѣковъ стоящей на мѣстѣ. Также и уставное церковное пѣніе по всему своему духу враждебно эстрадно-концертному прогрессу. Это не значитъ, конечно, что «теургическое» искусство не знало никакихъ измѣненій и отрицаетъ ихъ и на будущее. Такое утвержденіе было бы исторически неоправдываемымъ преувеличеніемъ. Мы всѣ на глазъ различаемъ романскіе, готическіе и барочные соборы и хорошо знаемъ вліяніе разныхъ философскихъ системъ на богословіе. Но все это все же не снимаетъ правильности моей основной мысли, что міръ церковной духовности, церковной мысли и искусства является, — во всякомъ случаѣ для изживаемой нами эпохи, — самую древнюю часть культурнаго града человѣчества, какъ-бы интелдью памяти, сопротивляющеюся натиску быстро-смѣняющихся другъ друга эпохъ. Поскольку же современная церковная культура удаляется отъ этого своего провиденціальнаго назначенія и съ послѣдностью свѣтскаго прогресса начинаетъ строить церкви изъ стали, стекла и бетона, вводитъ въ проповѣдь современную философію и въ исповѣдь психоанализъ, она явно начинаетъ измѣнять своему духу и стилю. Можно бы-

ло-бы въ пользу уходящаго отъ жизни и культуры, живущаго древнимъ завѣтомъ, древнимъ уставомъ и древнимъ обычаемъ христіанства привести съ легкостью еще очень большое количество аргументовъ, но и сказаннаго, думается, довольно для уясненія тѣхъ чувствъ, навыковъ и настроеній, которымъ внутренне претитъ лозунгъ соціального христіанства, стремящагося не только къ тому, чтобы человѣкъ-человѣку былъ въ частной и личной жизни ближнимъ и братомъ, но и къ тому, чтобы вся общественно-политическая жизнь человѣчества была-бы пронизана свѣтомъ христіанской правды и совѣсти.

Правы-ли защитники аполитичнаго асоціального христіанства? Реально-ли вообще противопоставленіе бѣдныхъ молитвенниковъ-отшельниковъ — «раннимъ, румянымъ челоуѣколюбцамъ»?

Выдвигая идею соціального христіанства и лозунгъ: христіане — на политической фронтъ, я сознательно не стремился къ тому, чтобы доказать убѣжденнымъ сторонникамъ аполитичнаго христіанства правоту своей точки зрѣнія. Не пытался поэтому, что доказательству для религіозной сферы — не аргументы. Все-же въ заключеніе быть можетъ правильно, какъ бы взамѣнъ невозможныхъ доказательствъ, хотя бы вкратцѣ высказать нѣсколько мыслей на тему о неизбѣжности устремленія христіанства къ соціально-политическимъ вопросамъ.

Начну съ внѣшняго, т. е. съ политики. Что въ сущности происходитъ сейчасъ въ мѣрѣ? Не думаю, что я вызову чье-либо насогласіе, если отвѣчу: происходитъ грандіозный переломъ: отъ эпохи безыдейной свободы мѣръ переходитъ къ эпохѣ насильнической идейности; идеаль гуманистическаго либерализма по всему фронту отступаетъ подъ натискомъ идеократій. Причемъ самое поверхностное изученіе общеевропейскаго положенія вскрываетъ очевидный фактъ, что степень злостности и насильничества идеократическихъ режимовъ прямо пропорціональна сложности и напряженности господствующихъ въ нихъ идеологическихъ системъ. Какой-же возможенъ выходъ изъ этой борьбы? На чемъ можетъ успокоиться мѣръ? Съ тѣми, что считаютъ, что міра успокаивать не надо и что искать выхода изъ его кровавыхъ ужасовъ не только тщетно и смѣшно, но и бездарно, ибо мѣръ челоуѣческой исторіи только и прекрасенъ своими темными страстями, великими бореніями и неизблемыми трагедіями; спорить невозможно: Споръ осмысленъ только постольку, поскольку онъ мыслится какъ отысканіе лучшихъ путей къ общепризнанной цѣли. Все, что можно сказать и предложить обдумать

беззаботнымъ любителямъ будущей исторіи, это то, что, не желая вести борьбу со зломъ и не вѣря въ возможность побѣды добра, нельзя прикрывать свою исторіософію по существу религиознымъ терминомъ трагедіи. Крупные характеры, живописныя ситуации и обильные трупы еще не означаютъ трагедіи. Сущность трагедіи не въ бушеваніи событій, но въ обнаруживающемся въ этихъ буряхъ бытіи. Бушующій океанъ не трагиченъ, а въ крайнемъ случаѣ, по опредѣленію Канта, величествененъ. Но и величествененъ онъ не самъ по себѣ и не самъ для себя, а только для чловѣческаго сознанія, связующаго его силу съ безсиліемъ чловѣка и съ могуществомъ стоящей надъ чловѣкомъ судьбы. Всякая живописно-шекспировская исторіософія есть такимъ образомъ или простая безчувственная и безсовѣстная глупость, или ушербленная и непонимающая себя религиозная метафизика. Но повторяю, съ любителями героическихъ эпохъ и историческихъ трагедій, боящихся болѣе всего мѣшанскаго затишья исторіи, споръ о христіанской политикѣ невозможенъ. Мой вопросъ, какъ же выйти изъ того тупика, въ который попала европейская исторія, осмысленъ потому лишь для тѣхъ и лишь по отношенію къ тѣмъ, кто жаждетъ замиренія и устроенія міра. На словахъ этого жаждутъ всѣ. Большевики, національ-соціалисты, Муссолини, Рузвельтъ и ужъ конечно всѣ послѣдніе могикине либерально-демократической Европы. Мы привыкли этой жаждѣ не вѣрить. Но можетъ быть она все-же больше, чѣмъ одни лукавыя слова; наивной, веселой, біологически-животной жажды войны въ Европѣ, кажется, правда нѣтъ. Память о страшныхъ годахъ всеевропейской бойни еще жива. Матери и вдовы павшихъ на войнѣ еще живы. Воинскіе союзы, союзы раненыхъ и калѣкъ еще тяжело обременяютъ государственные бюджеты. Повсюду встрѣчаешь людей съ протезами. Даже въ націоналистической Германіи нѣту того психологически легковѣснаго милитаризма, который былъ характеренъ для нѣкоторыхъ довоенныхъ круговъ ея. Есть только неукротимый имперіализмъ оскорбленнаго исторіей національнаго самолюбія и жажда завоевать себѣ въ мірѣ то мѣсто, которое мирнымъ путемъ будетъ очень трудно добыть. Много такого-же самолюбія и въ другихъ странахъ. У побѣдителей не меньше, чѣмъ у побѣжденныхъ. Но въ общемъ и пѣломъ близящійся къ войнѣ міръ жаждетъ сейчасъ, конечно, не войны, а новаго и прочнаго устроенія, новой конструктивной идеи своего бытія. Выше и чисто политически это положеніе выражается въ томъ, что тема войны сейчасъ почти окон-

чательно сливается съ темою революціи. Въ наиболѣе убѣжденныхъ и воинственно настроенныхъ идеократіяхъ исчезаетъ солдатъ и замѣняется осолдаченнымъ революціонеромъ. Въ германской арміи по распоряженію военнаго министра уже вводится политграмота. Выростаетъ вопросъ, какова же можетъ быть конструктивная идея будущаго, на чемъ могутъ сойтись отмирающей либерализмъ 19-го вѣка и наступающая идеократія 20-го. Ставя такъ вопросъ и выдвигая въ качествѣ отвѣта идею христіанской политики, я не хотѣлъ бы быть обвиненнымъ ни въ приверженности къ отвлеченному конструктивизму ни въ чрезмѣрномъ оптимизмѣ. Оба обвиненія были бы глубоко несправедливы.

Въ моемъ представленіи, какъ я уже говорилъ выше, христіанство не есть идея среди другихъ идей (такое уравнилельно-философское пониманіе христіанства для христіанскаго сознанія недопустимо), а нѣкая абсолютная истина. Если я говорю, что безыдейное свободолобіе 19-го вѣка можетъ быть примирено съ насильнической идейностью двадцатаго исключительно только на почвѣ христіанства, то это ни въ коей мѣрѣ конечно не значитъ, что тезисъ либерализма и антитезисъ идеократіи примиримы лишь въ синтезѣ христіанской идеи. Такой гегельянскій маршъ исторіи подъ трехтактный барабанный бой діалектики для христіанской исторіософіи совершенно непріемлемъ, вѣрнѣе безпредметенъ. Христіанство не абсолютный духъ и примиреніе враждебныхъ силъ въ христіанствѣ ни въ какой мѣрѣ и степени не логической синтезъ. Если я говорю, что враждующія въ наши дни начала «либерализма» и «идеократіи» (употребляю оба термина въ симптоматически расширенномъ и внутренне упрощенномъ смыслѣ) могутъ быть примирены только на почвѣ христіанской политики, то я хочу этимъ выразить ту мысль, что міръ можетъ «замириться» только въ томъ случаѣ, если защитники идей 19-го вѣка — защитники свободы, равенства, права, прогресса, разума осознаютъ свое пораженіе какъ послѣдствіе ими-же самими свершеннаго предательства той христіанской истины, изъ которой выросли всѣ ихъ отдѣльныя вѣрованія и если защитники нарождающихся въ Европѣ идеократій поймутъ, что всѣ ихъ идеологическія построенія являются лишь односторонними преувеличеніями и искаженіями нѣкоторыхъ моментовъ цѣлостной истины христіанства. Великихъ надеждъ на такое углубленное самопознаніе міра, сейчасъ никто имѣть не можетъ. Давно, кажется, люди, въ особенности правители и вожди, такъ много не говорили другъ съ другомъ, какъ въ

последнее время, но все это разговоры глухих между собою. Никакого оптимизма въ моемъ положеніи, что внѣ христіанства никакой конструктивной идеи искать не стоитъ и найти нельзя, такимъ образомъ нѣтъ. Скорѣе наоборотъ: ясное сознание того, что никакой идеократическою выдумкой христіанской истины не замѣнишь, ведетъ на ближайшее время, по крайней мѣрѣ, къ скорбнымъ прогнозамъ: міръ европейской культуры очевидно виситъ надъ темною бездною и въ его клокочущемъ сердцѣ, несмотря на грандіозныя событія, зяблетъ жуткая пустота. Но какъ бы ни были мрачны прогнозы, это не оправдываетъ опусканія рукъ. Надо дѣйствовать. И намъ, русскимъ, горячѣе и напряженнѣе, чѣмъ другимъ. Россія страшнѣе всѣхъ иныхъ странъ перегорѣла въ прахъ. И какъ то вѣрится, что изъ ея пепла поднимется фениксъ новой жизни. Дѣйствовать-же значитъ пробивать пути новой вѣры въ возможность христіанской политики. Какъ ни трудно загорѣться этой вѣрой въ настоящее время, нельзя все-же видѣть, что вчера, въ довоенную эпоху, загорѣться ею было еще труднѣе. Съ корнемъ вырванныя во всѣхъ захваченныхъ идеократическіи-фашистскими режими странами либерально-демократическіи партіи и свободлюбивыя теченія не могутъ не видѣть и не признавать, что дѣло защиты свободы, поскольку оно вообще еще отстаивается; отстаивается исключительно только христіанскою церковью. Мы всѣ знаемъ, какъ страшно и какъ трудно положеніе православной церкви въ совѣтской Россіи, знаемъ и то, на какія она должна была пойти уступки, и все же она единственная сила прошлаго міра, не снесенная начисто большевиками. Единственная сила, которая не только удержалась, но и отбила лютой натискъ живоцерковной и красноцерковной ереси. Въ Германіи положеніе совершенно такое-же. Передъ стремительнымъ напоромъ національно-соціалистической идеологии сдалась все. Не сдалась окончательно только церковь. Католическая показательно поставила на индексъ главный трудъ идеолога языческаго германизма Розенберга и устами кардинала Фаульхабера дала религіозную отповѣдь расистскому антисемитизму. Протестантская организовала въ противовѣсъ «нѣмецкимъ христіанамъ» «народную евангелическую церковь» и ведетъ борьбу противъ раскрещиванія протестантизма и уничтоженія свободы совѣсти. Въ виду такой выпавшей на долю христіанскихъ церквей общественно-политической роли, пониманіе христіанства, какъ аполитической силы, становится анахронизмомъ, чѣмъ то глубоко чуждымъ переживаемой эпохѣ. Эта чуждость еще увеличивается, если подумать, что

коммунизмъ ведетъ активную противохристіанскую политику; Германія подчеркиваетъ христіанскій характеръ своего націонализма и видитъ свою главную миссію въ борьбѣ противъ безбожнаго коммунизма; Австрія разбиваетъ радикальный австрійскій марксизмъ, устанавливаетъ заостренную противъ нѣмецкаго расизма «авторитарно-христіанскую» диктатуру Дольфуса. Италія, послѣ долгихъ лѣтъ размолвокъ, официально примиряется съ Ватиканомъ.

Нѣтъ сомнѣній, пульсъ подлинной христіанской жизни, пафосъ живой христіанской совѣсти слышны нынѣ только тамъ, гдѣ христіанство еле отбивается отъ идеократическаго, фашистскаго натиска. Что же касается торжествующаго христіанства нашихъ дней, то, къ сожалѣнію, иной разъ за нимъ врядъ ли можно признать болѣшую религіозную правду, чѣмъ за современными безбожниками. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло лишь въ томъ, что выдвинувъ съ совершенно неожиданной силой проблему идеократіи и связавъ ее съ идеей христіанства, 20-й вѣкъ съ такою новою силою поставилъ передъ лицомъ христіанства проблему христіанской политики, что никакое, ни монастырски-аскетическое, ни просвѣщенски-либеральное отдѣленіе христіанства отъ политики болѣе невозможно. Если отъ воинствующаго большевицкаго безбожья еще возможно спасеніе въ какихъ-то христіанскихъ катакомбахъ, то отъ авторитарно-христіанской диктатуры Дольфуса и разстрѣла рабочихъ въ Вѣнѣ ни въ какихъ катакомбахъ спасенія не найти.

Выдвигать при такомъ положеніи вещей противъ проповѣди политически активнаго христіанства мысль, что почва социальнаго переустройства и земнаго страданія для процвѣтанія христіанства благодарнѣе, чѣмъ порядокъ, сытость, и всѣческое иное процвѣтаніе, явно не приходится. Этотъ аргументъ и стоящее за нимъ міросозерцаніе глубоки и вѣрны только въ томъ случаѣ, если исповѣдующій и защищающій ихъ имѣтъ въ виду себя, да и то только до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о покорномъ пріятіи посылаемыхъ страданій, а не о сознательномъ культѣ ихъ въ качествѣ ближайшаго пути къ религіозному самоуглубленію. Къ христіанству ведетъ вѣдь не только путь страданія. На протяженіи исторіи многіе къ нему приходили на путяхъ грѣха и покаянія. Но кто-же посмѣетъ рекомендовать грѣхъ, какъ путь къ уразумѣнію Христовой истины. Также нельзя не себѣ, а другимъ рекомендовать страданія въ качествѣ нѣкой силовой станціи для постиженія и организаци Христовой истины. О чемъ-же говорить — страданія ближняго, его сирость, его малость, его одиночество и его

темнота не могут рассматриваться как кому-то нужный материал по построению христианского уклада нашей жизни и ссылки на то, что бѣдному легче войти въ царство небесное, чѣмъ богатому, тутъ такъ же неумѣстны, какъ размышленія о томъ, что всякая политика живеть и питается враждою. Было время, когда бѣднаго можно было сдѣлать богатымъ, подаривъ ему рубашку или шубу со своихъ плечъ, когда врага можно было превратить въ друга, обнявъ и посадивъ за свой столъ. Всѣ эти средства съ соответствующими поправками на время остаются, но всѣмъ глубоко взволнованнымъ тѣмъ, что происходитъ въ мѣрѣ, ясно, что ихъ уже мало, что страшной мировой безработицы подачкой съ барскаго стола уже не осилить, какъ и классовой, національной и расовой вражды никакими поцѣлуями не примирить. Современный европейскій мѣръ такая громадная организація, что справиться съ ея зломъ безъ того, чтобы организовать христианскія силы въ ибкіе активные воинственные кадры сознательныхъ христианскихъ политиковъ, нынѣ уже больше нельзя. Нѣтъ спору, самымъ дѣйственнымъ средствомъ противъ зла всегда были и всегда останутся «посгъ и молитва». Если за преуспѣваніе христианской политики никто не будетъ молиться, у нея не будетъ успѣха. Но какъ это ни вѣрно, нельзя не сознавать, что «посгъ и молитва» какъ средство устроенія общественно-политической жизни мало кому подлѣ силу. Возвращаясь къ идеѣ христианской общественности и христианской политики, намъ надо начинать съ малыхъ дѣлъ. Такимъ малымъ дѣломъ, программю *minimum* мнѣ и представляется сформулированная мною христианская политика въ смыслѣ политики христианъ.

Заканчивая пока что на этомъ противоположеніи свои размышленія о христианствѣ и политикѣ, считаю необходимымъ подчеркнуть, что оно отнюдь не является моимъ послѣднимъ словомъ. Твердое и въ наше идеологически-идеократическое время въ первую очередь необходимое противоположеніе христианской политики политикѣ христианъ должно быть въ дальнѣйшемъ дополнено раскрытіемъ ихъ связи. Это я предполагаю сдѣлать въ слѣдующей статьѣ. Въ юридическихъ терминахъ проблему эту можно сформулировать какъ проблему внутренняго сотрудничества церкви и государства на почвѣ формальнаго отдѣленія церкви отъ государства. Въ такой постановкѣ вопроса таятся, внѣ всякаго сомнѣнія, очень олышія опасности, причемъ не только для государства, но и для самой церкви. Но указаніе на эти опасности не возраженіе: всѣ пути, ведущіе къ истинѣ, илуть по краю бездны. **Ф. Степунъ.**